

Спускаясь по лестнице, Ци Цзюэ и Ци Юнь увидели в окно то, что происходило в саду.

Ци Сяохэ носился по лужайке, сжимая в руке игрушечный паровозик. Малыш увлеченно «вел» его по воздуху, громко и фальшиво напевая детскую песенку, мотив которой долетал даже сквозь оконные стекла.

Ци Юнь эта картина лишь раздражала. Он хмуро взглянул на проказника, отвернулся и перевел взор на гостиную, где на ковре возился с точно такой же железной дорогой Ци Яо.

Ци Цзюэ заметив недовольство брата, негромко обронил:

— Он ведь тоже твой брат.

По его мнению, Ци Юнь порой вел себя слишком предвзято и жестоко по отношению к Сяохэ.

Ци Юнь даже не обернулся. Он лишь глухо усмехнулся в ответ, и в его голосе проскользнули ледяные нотки:

— Он мне не брат.

Ци Цзюэ промолчал, лишь поджав губы.

Старший брат искренне не понимал, зачем родителям понадобилось усыновлять еще одного мальчика вместо девочки, но сам относился к обоим ровно. Для него и Сяохэ, и Яояо были несмышлеными детьми, одинаково глупенькими. Но Юнь вел себя иначе. К Сяохэ он с раннего детства проявлял нескрываемую ядовитую неприязнь. Цзюэ полагал, что тот просто ревнует и защищает интересы Яо, боясь, что приемыш заберет причитающееся младшему внимание.

Спустившись на первый этаж, Ци Цзюэ кивнул отцу, сидевшему в кресле:

— Отец.

— А где мама? — тут же поинтересовался Ци Юнь.

Ци Линьгуан сидел мрачнее тучи. Он выдавил ту же сухую фразу, что недавно бросил младшему:

— Ваньчжэнь вернется через несколько дней.

Он не стал объяснять, почему супруга, уехавшая с ним на званый ужин, решила остаться в гостях, и куда именно она отправилась. Любые другие дети засыпали бы его расспросами, но

старшие сыновья Ци были не из таких. Один рос молчаливым и скрытным, другой — хитрым и проницательным, и оба отличались недетским умом.

К тому же сейчас на лице главы семейства столь явно читалось раздражение, смешанное с обидой — словно на лбу было крупными буквами написано «жена меня бросила», — что лезть к нему с расспросами означало бы сознательно нарываться на неприятности.

— Поиграйте с Яояо, — бросил Ци Линьгуан.

Рад был спихнуть младшего на братьев, он поднялся с места и зашагал к себе в кабинет. Даже его удаляющаяся спина, казалось, излучала гневное напряжение.

Ци Юнь быстро сообразил, в чем дело, и многозначительно подмигнул старшему брату. Однако лицо Ци Цзюэ оставалось каменной маской — по его непроницаемому взгляду невозможно было понять, догадался он о чем-то или нет.

— У отца с мамой всегда были идеальные отношения, — вполголоса пробормотал Юнь. — Наверное, просто повздорили из-за какой-то ерунды?

Обычно родители ругались раз в несколько лет, да и то по мелочам. Но чтобы мать демонстративно отказывалась возвращаться домой и оставалась где-то на несколько дней — такого в семье Ци не помнили.

— Папа и мама поссорились?! — Ци Яо, только что с восторгом следивший за игрушечным составом на рельсах, испуганно вскинул голову.

Но Ци Юнь тут же легонько щелкнул его по лбу, словно глупого щенка:

— Не твоего ума дело. Играй давай в свою железную дорогу.

Ци Яо обиженно надулся, но послушно уткнулся в игрушки.

Ци Цзюэ не отличался терпением, когда дело касалось детских игр. Убедившись, что младший брат увлечен делом, он развернулся и направился к выходу.

— Ты куда? — окликнул его Юнь.

— К дяде Фану.

Фан Цзян служил у них семейным водителем. Человек он был надежный и, что самое главное, умел держать язык за зубами. Цзюэ решил, что от него можно узнать хоть что-то.

Ци Юнь мгновенно сообразил, к чему клонит брат, и поспешил следом:

— Я с тобой.

Ци Яо тут же вознамерился увязаться за ними:

— Братик Цзюэ, братик Юнь, вы куда? Возьмите меня с собой!

Но Юнь бесцеремонно уперся ладонью ему в лоб, заставив сесть обратно на ковер, и строго погрозил пальцем:

— Попробуй только сделать хоть шаг за порог, пока мы не вернемся. Будешь наказан.

Малыш Яо опешил от такой несправедливости. Стоило старшим братьям дойти до дверей, как из гостиной донеслись его горькие, обиженные всхлипывания.

Ци Цзюэ искоса взглянул на брата. Наедине с Яою Ци Юнь вел себя как самый обычный, слегка вредный старший брат, обожающий подразнить младшего. Но стоило на горизонте появиться Сяохэ, как его поведение резко менялось, становясь холодным и колючим.

И точно: заметив на лужайке Сяохэ, который с восторгом размахивал в воздухе пластиковым локомотивом, Ци Юнь лишь презрительно фыркнул.

Увидев братьев, Ци Сяохэ замер, поспешно поднялся с травы и уставился на них круглыми, наивными глазами, не смея подойти ближе.

Ци Цзюэ слегка нахмурился. Сяохэ сегодня нарядили в светлый костюмчик, но мальчик ухитрился залезть в свежевскопанную клумбу, где садовник только собирался высаживать цветы. Теперь приемыш выглядел как взъерошенный беспризорник: коленки в грязи, на щеках темные разводы. Но при этом он так тепло, так искренне улыбался им, что у Ци Юня это вызвало лишь очередную вспышку раздражения.

Ци Юнь с безразличным видом отвернулся. Радость на лице Сяохэ мгновенно угасла, плечи поникли. Ци Цзюэ хотел было что-то сказать, но, посмотрев на измазанного в земле ребенка, понял, что говорить им совершенно не о чем. Он молча отвел взгляд и зашагал дальше.

Оставшись без капли внимания, Сяохэ шмыгнул носом. Губы его обиженно задрожали. Он медленно опустился обратно на корточки и вновь принялся катать свой поезд по земле, но петь ему больше не хотелось.

Фан Цзян только-только загнал представительский лимузин в гараж и закрыл бокс, когда увидел приближающихся сыновей хозяина. Мужчина замер, сразу сообразив, какие расспросы

его ждут.

И действительно, стоило им подойти ближе, как братья заговорили почти одновременно:

— Дядя Фан, почему поссорились родители?

— Дядя Фан, как все прошло на банкете?

Хотя вопросы прозвучали по-разному, суть их была одна. Водитель со вздохом посмотрел на молодых людей, которые уже почти догнали его ростом. Старший господин, как всегда, бил прямо в лоб. Пожалуй, на его фоне даже хитрые, завуалированные расспросы Юня казались более предпочтительными.

— Госпожа встретила на приеме старую подругу, — с вежливой, отрепетированной улыбкой ответил Фан Цзян. — Наверное, они решили подольше пообщаться, вспомнить былое. Вот супруга хозяина и решила задержаться на пару дней.

На безупречно холодном лице Ци Цзюэ отразилось столь явное недоверие, что водителю стало не по себе. Ему оставалось лишь виновато и натянуто улыбаться.

А что он мог сделать? Не рассказывать же сыновьям босса, что их родители устроили на банкете такой скандал, о котором теперь судачит весь высший свет?

Ци Юнь, однако, отступать не собирался:

— И все-таки, между ними ведь пробежала кошка?

Судя по лицу отца, ссора была отнюдь не пустяковой.

— Скорее всего, какое-то недоразумение, пустяк, — уклончиво кивнул Фан Цзян. — Госпожа непременно позвонит домой в ближайшее время. Не волнуйтесь, молодые господа.

Впрочем, его собственный встревоженный вид говорил о том, что дело пахнет серьезным кризисом.

Поняв, что от вышколенного и преданного шофера больше ничего не добиться, братья решили не тратить время зря.

Они неторопливо пошли обратно к особняку. По дороге Юнь достал телефон и проверил входящие — от матери не было ни слова. Он задумчиво пролистал список контактов.

— Может, поспрашивать у кого-нибудь из тех, кто тоже был на этом приеме?

Ци Цзюэ бросил на него предупреждающий взгляд. Юнь и сам вовремя спохватился: если пойти собирать сплетни среди знакомых, это только раздует слухи. Вздохнув, он заблокировал экран.

— Ладно, забудь. Подождем, пока мама сама объявится.

Ци Цзюэ промолчал. Он поступил разумно, решив сперва расспросить Фан Цзяня. Сплетни в их кругу распространялись со скоростью пожара, и лишний раз привлекать внимание к размолвке родителей не стоило. Раз шофер уверяет, что все образуется, значит, катастрофы пока не случилось. На душе у него немного отлегло.

Дорога от гаража до главного здания шла в обход сада. Когда братья вернулись к дому, Сяохэ на лужайке уже не было.

После ухода старших братьев игра быстро надоела Сяохэ. Он вяло покрутил в руках пластиковый состав, вздохнул и вдруг подумал, что хочет увидеть папу.

Отец всегда казался ему очень строгим, и мальчик его побаивался. Но ведь Яояо совсем не боялся отца! Он всегда так весело подбегал к папе и просился на ручки... Сяохэ отчаянно хотелось быть таким же смелым. Он верил: если он перестанет робеть, папа обязательно обнимет и его. К сожалению, каждый раз, когда он пытался повторить за Яояо и броситься к отцу, в последний момент его сковывал глупый, непреодолимый страх.

«Но ведь папа привез мне столько подарков! И этот новый паровозик тоже от него!» — подумал Сяохэ, и на душе у него потеплело. Сжимая в кулачке игрушку, он припустил к дому. По дороге в его детской голове созрел отличный план: раз Яояо такой смелый, нужно просто попросить его пойти к папе вместе!

Сяохэ с легким сожалением посмотрел на новенький паровоз, но мысль о теплых папиных объятиях перевесила все сомнения. Он решительно сжал кулачки. Он отдаст эту игрушку Яояо. Это будет... его покуп!

Малыш еще толком не знал, как правильно произносится слово «подкуп», но сама идея казалась ему блестящей. Набравшись храбрости, он взбежал на крыльцо и вошел в дом. Однако в просторном холле первого этажа царила тишина. Ни Яояо, ни прислуги видно не было.

Сяохэ не стал медлить и бойко припустил по лестнице на второй этаж. Едва свернув в коридор, он заметил знакомую фигурку примерно такого же роста, как он сам. Яояо вел себя очень странно: он буквально прилип ухом к массивной двери малой гостиной.

Сяохэ удивленно моргнул. Приблизившись, он уловил доносящийся из-за двери приглушенный голос отца — тот с кем-то яростно разговаривал по телефону, явно на взводе.

Толстая дубовая дверь скрадывала звуки, но раздражение в интонациях Ци Линьгуана угадывалось безошибочно. Сяохэ, хоть и побаивался разгневанного отца, понимал, что тот ругается с кем-то далеким, а значит, ему самому ничего не грозит.

Он тихонько подошел к брату и потянул его за рукав. Протянув вспотевшую ладошку с зажатой в ней новенькой игрушкой, Сяохэ прошептал:

— Смотри, это паровозик, который мне папа привез. Я дарю его тебе...

Договорить он не успел. Ци Яо резко обернулся. Его лицо пылало от злости, губы были плотно сжаты, а зубы скрипели так громко, что Сяохэ невольно испугался.

— Ты... ты не мог бы попросить папу, чтобы он и меня тоже обнял?.. — несмело пробормотал Сяохэ.

Стоило прозвучать слову «папа», как Ци Яо словно ужаленный отпрянул от двери.

— Кто тебе папа?! — взвизгнул он, вмиг оцетинившись, как рассерженный котенок. — Он тебе не отец! У тебя вообще нет отца!

Его крик, пронзительный и резкий, эхом разнесся по коридору. В комнате мгновенно стихли всякие звуки, и слышались тяжелые шаги отца, направляющиеся к выходу.

Сяохэ застыл, не зная, как реагировать на эти злые слова. Но Ци Яо, едва выкрикнув их, сам вдруг горько расплакался. Его глаза мгновенно наполнились слезами, которые крупными каплями покатались по щекам. Сяохэ совсем растерялся.

Яояо зло утер слезы рукавом, изо всей силы пихнул Сяохэ плечом и со всех ног бросился к лестнице.

Сяохэ замер на секунду. План провалился: подарок не принят, договориться не удалось, да и папа его так и не обнял... В смятении он, не думая о последствиях, кинулся вдогонку за братом.

Слезы застилали Ци Яо глаза, мешая бежать. Он то и дело спотыкался, хватаясь за перила, из-за чего двигался медленнее обычного. Сяохэ неотступно следовал за ним по пятам, словно упрямый щенок.

У самого низа, когда до холла оставалось всего несколько ступеней, Сяохэ наконец нагнал брата и снова протянул ему несчастный паровозик:

— Забери его, ну пожалуйста...

Обида, страх и отчаяние Ци Яо в одно мгновение переросли в глухую ярость. Этот дурацкий паровозик, точно такой же, как у него самого, и тот страшный секрет, который он только что случайно подслушал под дверью кабинета...

Яо выхватил игрушку из рук брата, со всей силы швырнул ее на пол и с криком толкнул Сяохэ в грудь.

Они были почти одного роста, но Яо стоял ступенью ниже. Сяохэ от толчка не удержался на ногах и больно приземлился спиной на острый край ступеньки. А вот сам Яояо потерял равновесие и кубарем покатился вниз, рухнув на твердый паркет холла.

Только что вошедшие в дом Ци Цзюэ и Ци Юнь замерли. В следующую секунду они с криком бросились к упавшему ребенку.

— Яояо! Где болит?! — Голос Ци Юня дрожал от неподдельного испуга; он своими глазами видел, как младший брат пролетел последние несколько ступеней.

Ци Цзюэ уже присел рядом, торопливо приподнимая край футболки Яо, чтобы осмотреть ушибы, и одновременно доставая телефон, чтобы вызвать семейного врача. Он мельком глянул на застывшего на лестнице Сяохэ: тот сидел невредимый, а значит, беспокоиться о нем не стоило.

Ци Яо до боли закусил губу. Из его глаз ручьями лились слезы, но он упрямо молчал, не желая жаловаться.

Вскоре примчался дежурный доктор. Он бережно поднял мальчика на руки и унес в спальню на первом этаже для осмотра. Ци Юнь, чье лицо за это время сделалось белым от ярости, резко развернулся и вышел из комнаты. Ци Цзюэ, нахмурившись, последовал за ним.

Сяохэ к тому времени уже поднялся на ноги. Его глаза тоже блестели от слез — падение на ребро ступени вышло очень болезненным, и теперь спина и ягодицы нещадно ныли.

Заметив, что второй брат решительно направляется к нему, а старший наблюдает за ними, Сяохэ воспрянул духом. «Неужели брат Юнь идет обнять меня? Спросить, больно ли мне?» — промелькнула робкая надежда. Малыш уже готов был задрать край кофточки, чтобы показать свои ссадины. Он даже глупо надеялся, что его синяки окажутся больше и страшнее, чем у Яояо, — тогда братья точно пожалеют именно его.

Погруженный в свои детские грезы, он даже не заметил, какой мрачной, ледяной яростью дышало лицо Ци Юня.

Второй брат остановился у подножия лестницы. Его красивый разрез глаз сузился, взгляд скользнул по валяющейся на ступенях игрушке, а затем уперся в перепуганного ребенка, который внешне не имел абсолютно ничего общего с благородным семейством Ци.

— Тебя что, совсем никто не учил, что нельзя отбирать чужие игрушки? — процедил Ци Юнь сквозь зубы.

Каждое слово так и дышало неприкрытой ненавистью.

Светлая надежда на лице Сяохэ угасла в мгновение ока. Он испуганно уставился на брата, не в силах до конца осознать несправедливость этих слов.

Ци Юнь больше не мог сдерживать бушевавший внутри гнев. Вид катящегося по лестнице Яояо до сих пор стоял у него перед глазами. Он сделал шаг вперед, нависая над сжавшимся ребенком, и прошипел:

— Если ты еще хоть раз посмеешь его тронуть, клянусь, я сам спущу тебя с этой лестницы.

Сказав это, Юнь брезгливо отступил на шаг, словно не желая мараться об этого замарашку.

И тут до Сяохэ наконец дошел весь смысл этой жестокой, прямой угрозы. Его глазенки мгновенно наполнились слезами, и в следующую секунду дом содрогнулся от его отчаянного, захлебывающегося рева.

Ци Юнь даже бровью не повел. Ци Цзюэ, наблюдавший за сценой со стороны, нахмурился и медленно направился к ним.

Мальчик рыдал навзрыд, размазывая по лицу слезы и грязь, и сквозь громкие всхлипы выкрикивал самые обидные слова, какие только мог придумать его детский разум:

— У-у-у... Я ненавижу брата Юня!.. Ты мне больше не брат! Не хочу тебя знать! Я буду любить только братика Цзюэ!..

Сяохэ искренне верил, что эта детская угроза «навсегда разорвать узы» испугает брата и заставит его извиниться. Спрятав лицо в ладошках, он сквозь щелочки между пальцами затаил дыхание и стал украдкой наблюдать за реакцией Юня.

Но Ци Юнь лишь презрительно усмехнулся.

— Что ж, отличная новость, — бросил он с легким пренебрежением. — Я только за.

Сяохэ замер. Его заплаканные глаза ошарашенно уставились на брата сквозь растопыренные грязные пальцы.

— Объясню для глупых: я буду просто счастлив избавиться от такого «братца», — безжалостно добавил Юнь. — Так что сделай одолжение, никогда больше не смей называть меня братом. Меня... меня от этого просто тошнит.

Новая волна горьких слез хлынула из глаз Сяохэ, и он зарыдал с новой, еще более отчаянной силой.

<http://bllate.org/book/19821/1984818>